ЛЮДИ. ГОДЫ. ЖИЗНЬ

В. С. Волков,
профессор кафедры истории

БОРИС ЕВГЕНЬЕВИЧ РАЙКОВ — УЧЕНЫЙ, ПЕДАГОГ, ЛИЧНОСТЬ

Среди плеяды «золотых имен» герценовцев достойное место занимает имя выдающегося ученого и педагога Бориса Евгеньевича Райкова, одного из основоположников отечественной научной методики преподавания естествознания, видного историка науки, действительного члена Академии педагогических наук. В долгой жизни ученого, изобилующей изломами, крутыми поворотами, удачами и несбывшимися мечтами, одним из самых плодотворных был период его работы в Герценовском университете (тогда еще педагогическом институте). В 1921—1930 гг. он заведовал кафедрой методики естествознания, которая в те годы стала ядром петроградской—ленинградской школы методики естествознания. В дальнейшем он вернулся в институт и работал в 1945—1948 гг. на той же кафедре профессором. Райков оставил яркий след в истории университета и истории отечественного естествознания.

В небольшой статье можно осветить лишь основные черты личности Райкова и в самом общем плане его вклад в науку, поэтому для целостности восприятия материалов данной публикации перечислим важнейшие вехи и этапы его жизненно пути. Родился Борис Евгеньевич 21 (8) сентября 1880 г., в 1888—1895 гг. обучался в гимназии, с 1899 по 1905 г. в Петербургском университете на естественном отделении физико-математического факультета (с перерывами в связи с арестами и ссылкой за участие в антиправительственных акциях, экзамены сдавал экстерном). В 1905—1915 гг. работал в Восьмиклассном коммерческом училище в районе «Лесное» в Петербурге, с 1913 по 1920 г. вначале по совместительству, а затем как штатный работник преподавал зоологию в университете при Психоневрологическом институте, основанном академиком В. М. Бехтеревым. В 1921—1930 гг. заведовал кафедрой методики естествознания в Педагогическом институте им. А. И. Герцена. В ночь с 30 на 31 мая 1930 г. был арестован по сфабрикованному обвинению в антисоветской деятельности, в марте 1931 г. приговорен к 10 годам заключения в исправительно-трудовом лагере, но за добросовестный труд досрочно был освобожден в 1934 г. В 1941—1945 гг. работал в Архангельском педагогическом институте. Вернувшись из Архангельска в Ленинград, Райков вновь стал работать в Педагогическом институте им. А. И. Герцена в должности профессора кафедры методики естествознания (в 1945—1948 гг.), а с 1948 г. и до конца своих дней работал старшим научным сотрудником в Ленинградском отделении института истории естествознания и техники АН СССР. Скончался он 1 августа 1966 г. Им опубликовано более 600 научных работ, в том числе около 20 книг по методике и истории естествознания.

В Педагогический институт им. А. И. Герцена Б. Е. Райков пришел сложившимся и громко заявившим о себе педагогом и человеком с активной жизненной позицией. На студенческой скамье, а еще больше за письменным столом самостоятельно он приобрел основательное образование, развил у себя жажду познания, которая определила его последующую жизнь. При тогдашнем делении студентов на «академистов» и «политиков» Райков был больше «политиком» и готов был пожертвовать учебой ради участия в борьбе за свободу и достойную жизнь народа. Он входил в социал-демократический

кружок, за что дважды подвергался арестам и ссылке. После возвращения из ссылки он экстерном сдал экзамены, в 1905 г. начал работать преподавателем естествознания в Коммерческом училище в Петербурге.

У Бориса Евгеньевича обнаружились педагогические способности, и в короткий срок, опираясь на идеи передовых методистов (А. Я. Герда, П. Ф. Лесгафта, В. В. Половцова) и на собственный опыт, он выработал эффективную систему преподавания естествознания, в которой последовательно реализовал биологический метод (изучение живых организмов в контексте окружавшей их природы) и принцип наглядности. Его «коньком» становятся лабораторные работы с учащимися, которые сделали его имя известным среди преподавателей естествознания. Он опубликовал несколько статей, которые усилили интерес к его опыту. Его занятия стали посещать учителя: в книге посещений занятий в Лесном училище за 1913—1916 гг. зафиксировано 500 человек, побывавших на уроках Райкова. Не случайно поэтому, что когда университету при Психоневрологическом институте потребовался преподаватель естествознания, его руководство пригласило Райкова, который вскоре стал заметной фигурой среди преподавателей и студентов, а в 1916 г. занял пост проректора. Среди многих заслуг этого учебного заведения пред естественной наукой и просвещением отметим одну, связанную с деятельностью Б. Е. Райкова — именно в нем была создана первая в стране кафедра методики естествознания. Борис Евгеньевич, проявляя необычайную изобретательность, сумел оборудовать прекрасный кабинет естествознания.

Вскоре после Октябрьской революции университет при Психоневрологическом институте был закрыт. Райков перешел на работу во Второй педагогический институт, созданный на базе бывшего учительского института. Сюда Борис Евгеньевич перевез из ликвидированного университета оборудование кабинета методики преподавания естествознания. Однако работа во Втором педагогическом институте оказалась непродолжительной: в 1921 г. он был присоединен к Третьему педагогическому институту, получившему имя Александра Ивановича Герцена. В объединенном институте Б. Е. Райков был избран заведующим кафедрой методики естествознания. Переместилось в Герценовский институт и «райковское приданое», как в шутку называли оборудование кабинета, сопровождавшее его создателя.

К моменту прихода в Педагогический институт им. А. И. Герцена Борису Евгеньевичу исполнилось 40 лет. За плечами был пятнадцатилетний опыт педагогической, научной и организационно-учебной работы. Он был первым в России профессором по кафедре методики естествознания, автором свыше 200 опубликованных работ. Вопрос, который мучил многих интеллигентов, его сверстников, «Принимать или не принимать советскую власть?» решился у него просто. На его политический выбор повлияло его прошлое — участие в борьбе против царизма, а главное, политика советской власти в сфере образования, в частности, ее отношение к преподаванию естествознания. Свой выбор и выбор своих коллег — преподавателей естествознания, он отчетливо объяснил в передовой статье первого номера основанного и редактируемого им журнала «Естествознание в школе…» (1918, № 1), а позже в своих воспоминаниях: «… Педагоги-естественники восприняли революцию как великую радость, как освобождение нашего любимого предмета от того унизительного, неравноправного положения, в котором он находился в царской школе, — писал Райков. — В самом деле, из гонимого, едва терпимого предмета, учебное естествознание заняло в советской школе, если не господствующее место, но во всяком случае такое положение, которое сравнивало его с другими основными школьными дисциплинами — математикой и гуманитарными пред-

метами. Те методы преподавания, которые мы проводили в частных и общественных школах под сурдинку, за свой страх и риск, теперь вошли в жизнь и стали не только терпимыми, но одобрялись и прямо рекомендовались. Как было не радоваться и не питать самых розовых надежд на дальнейшее развитие натуралистического образования в нашей государственной школе?!»[1]

Борис Евгеньевич оценил достоинства нового государственного строя и через судьбу Общества по распространению естественнонаучного образования (ОРЕО). Оно было создано группой видных деятелей естествознания в 1907 г., председателем его был видный педагог В. А. Вагнер, а Райков — секретарем. Однако получить разрешение царских властей на деятельность общества было делом сложным, и его создателям пришлось учредить его в виде естественного отдела педагогического музея Главного управления учебными заведениями военного министерства. А в 1918 г. без всяких препятствий оно было зарегистрировано как общественная организация, получило право издавать журнал «Естествознание в школе», а с 1925 г. и журнал «Живая природа» и т. д. В 1921 г., после отъезда из Петрограда В. А. Вагнера, председателем ОРЕО был избран Райков и возглавлял его до 1929 г.

На заседании Ученого совета Педагогического института им. А. И. Герцена, где происходило избрание Б. Е. Райкова на должность заведующего кафедрой методики естествознания, ректор института А. П. Пинкевич, назвав кандидатуру Райкова, заявил, что она в представлении не нуждается. Действительно, многие сотрудники института хорошо знали, уважали и ценили Райкова. К удовольствию Бориса Евгеньевича, другие методисты института оказались его единомышленниками. Особенно плодотворным было сотрудничество с заведующими кафедрами методики химии В. Н. Верховским и методики физики П. А. Знаменским.

Борис Евгеньевич заботливо комплектовал преподавательский состав кафедры, исходя из потребностей учебного процесса. Предпочтение он отдавал тем, кого хорошо знал по практической работе. Общую методику обществознания читал сам Б. Е. Райков, частную методику К. П. Ягодовский и С. А. Павлович, практические занятия по неживой природе проводил Н. Н. Сидоров, занятия в живом уголке вели С. В. Герд и Н. С. Берсенев. В организации учебного процесса активную роль играли О. А. Баратова, Г. В. Артоболевский, Н. Д. Владимирский. Они же обеспечивали проведение практики студентов в школе.

Многие из них вместе с Б. Е. Райковым налаживали работу педагогической биологической станции в Детском Селе, а затем и Центральной городской педагогической биостанции, располагавшейся недалеко от института в Демидовском переулке, которыми Райков заведовал и на базе которых студенты проходили естествоведческую практику.

С 1924 по 1930 г. он работал также заведующим отделением естествознания Государственного института научной педагогики, директором которого был К. П. Ягодовский, видный методист.

В силу своего таланта, целеустремленности, преданности пропаганде естествознания Борис Евгеньевич становится лидером петроградско-ленинградской школы методики естествознания или, как тогда говорили, Ленинградского направления. Это было дружное сообщество педагогов, среди которого самыми звучными именами были имена Б. Е. Райкова, Г. В. Артоболевского, Г. Н. Боча, В. Н. Верховского, В. А. Герда, В. А. Догеля, В. Л. Комарова, П. Ф. Лесгафта, М. Н. Римского-Корсакова, А. П. Пинкевича, И. И. Полянского, В. А. Вагнера, В. В. Половцова, Е. Ф. Тура, В. М. Шимкевича.

Если судить по содержанию их научно-методических работ, выступлениям в дискуссиях, по опыту учителей школ города, то

можно составить представление об основных чертах петроградско-ленинградской школы методики естествознания. Для нее прежде всего характерны опора на новейшие достижения наук о природе, использование методологически значимых идей в содержании обучения. В начале XX в. одной из таких идей была идея эволюционного развития организмов. Ленинградские методисты исходили из того, что главная цель преподавания естествознания — формирование научного, материалистического мировоззрения у учащихся и привитие им навыков наблюдения и объяснения природы. Петроградская-ленинградская школа методики естествознания базировалась на биологическом принципе (методе), который предполагал изучение растений и живых существ в контексте той среды, в которой они пребывали и частью которой являлись. В учебной литературе и преподавательской деятельности педагоги этой школы реализовывали «функциональный подход», суть которого заключалась в том, что строение живых организмов и их отдельных органов рассматривалось и объяснялось с учетом функций, которые они выполняли. П. Ф. Лесгафт, В. В. Половцов, Б. Е. Райков называли это «опричиниванием морфологических структур». Ленинградские методисты ведущим считали исследовательский или, как предпочитал называть его Б. Е. Райков, опытно-исследовательский метод обучения, который, в частности, предполагал всестороннюю реализацию принципа наглядности. В деятельности учителей он находил выражение в лабораторных занятиях и широком использовании природоведческих экскурсий. Для научных, педагогических и, особенно, нравственных принципов петроградско-ленинградской школы методики естествознания характерны историзм, верность лучшим традициям, преемственность и новаторство в научной и преподавательской деятельности, коллективизм и взаимное уважение, способность к солидарным действиям в защиту своих идей, что наглядно обнаружилось во второй половине 1920-х гг. Выработанные выдающимися методистами идеи были успешно внедрены в Педагогическом институте им. А. И. Герцена в подготовку будущих преподавателей и получили распространение среди школьных учителей благодаря деятельности ОРЕО, журналов «Естествознание в школе», «Живая природа». Наиболее наглядно эти идеи представлены в научно-методических работах Б. Е. Райкова. В обобщающем, концептуальном изложении они нашли воплощение в написанной им в 1927 г. книге «Пути и методы натуралистического образования» (из-за ареста ее издание не состоялось и лишь в 1947 г. она была опубликована под названием «Общая методика естествознания»). Идеи ленинградской школы методики естествознания стали ценным достоянием отечественной педагогики. Сознание этого объясняет ту страстность, с которой Б. Е. Райков и его единомышленники выступили в защиту своих идей, когда возникла опасность вытеснения их из школьного образования.

Такая угроза возникла в середине 1920-х гг., когда Народный комиссариат просвещения РСФСР начал радикальную перестройку учебного процесса в школе путем внедрения новых учебных планов на основе так называемых комплексов и активных методов обучения. Вместо предметного преподавания и классно-урочной системы организации учебного процесса весь круг знаний, приобретаемых школьником, разделился на три комплекса: природа, труд, общество. Сведения по отдельным отраслям знаний должны были распределяться между этими комплексами. Наиболее страдало при этом естествознание, так как оно было разбросано по комплексам и практически перестало быть самостоятельным учебным предметом. К тому же группа московских методистов, преимущественно сотрудников биологической станции им. К. А. Тимирязева (Б. В. Всесвятский, Б. В. Игнатьев,

М. М. Беляев и др.) выступали под флагом связи обучения с практикой социалистического строительства, с предложением усилить сельскохозяйственный уклон в преподавании естествознания, что превращало его из мировоззренческой в прикладную, утилитарную учебную дисциплину. Такой подход был воплощен в подготовленных ими программах, утвержденных Государственным ученым советом Наркомпроса. Одновременно Наркомпрос стал усиленно внедрять «активные методы обучения» (Далтон-план и др.), позаимствованные за рубежом. Б. Е. Райков, К. П. Ягодовский, М. Н. Римский-Корсаков, декан факультета естествознания Ф. Е. Тур, московские методисты В. Ю. Ульянинский, В. Ф. Натали выступали с обоснованной критикой программ ГУСа. Противодействие разрушению оправдавшей себя системы преподавания естествознания Б. Е. Райков считал своим гражданским и научным долгом. Он развернул критику программ и фетишизации сельскохозяйственного уклона на страницах журналов, общих собраниях Ленинградского и Московского отделений ОРЕО, на конференциях и совещаниях Наркомпроса. В острой научно-педагогической дискуссии его московские оппоненты терпели поражение, и тогда Б. В. Всесвятский, Б. В. Игнатьев, М. М. Беляев перевели ее, как тогда говорили, в «политическую плоскость». На заседании Московского отделения ОРЕО 14 ноября 1926 г. М. М. Беляев обвинил «ленинградское течение» в контрреволюционности. Б. В. Всесвятский заявил, что Райков уводит учительство в «зарубежные дебри», намекая на антисоветскую эмиграцию. Б. В. Игнатьев назвал приверженность ленинградцев традициям А. Я. Герда, В. В. Половцова «гробокопательством». Эти же деятели пустили в оборот термин «райковщина», и назвали идеи Б. Е. Райкова контрреволюционной буржуазной идеологией. Они имели прочную поддержку со стороны руководящих работников Наркомпроса М. С. Эпштейна и М. М. Пистрака. Напомним, что в 1928—1930 гг. в стране развернулась кампания разоблачения «вредителей», состоялись фальсифицированные провокационные процессы над группами интеллигентов: «Шахтинское дело», «Академическое дело», «Процесс “Промпартии”». Всесвятский инициировал выступление против Райкова некоторых сотрудников (в их числе был доцент А. Ф. Бенкен) и студентов Педагогического института им. А. И. Герцена с обвинением его в антисоветской деятельности. По их «наводке» сотрудники Ленинградского управления ОГПУ в ночь с 30 на 31 мая арестовали Б. Е. Райкова, а затем преподавателей кафедры методики естествознания и центральной биостанции, а также некоторых членов ОРЕО в других городах.

Следствие вел А. Н. Шондыш, который добивался от обвиняемых признания в том, что под прикрытием ОРЕО действовала руководимая Райковым монархическая организация. Некоторые из арестованных под давлением Шондыша «подтвердили», что деятельность Райкова была направлена против советской власти и имела целью возродить старую буржуазную школу. Борис Евгеньевич смог мобилизовать все силы и отказывался признать сочиненные следователем «признания». Порой ситуация складывалась отчаянной, и он принял меры к тому, чтобы в критический момент прибегнуть к самоубийству и не подписывать «признания». Он извлек из бочка унитаза металлический шток, заточил его о бетонный пол. Получился стилет, которым, как считал Борис Евгеньевич, «при знании анатомии можно убить себя». Он уложил его в щель в стене и заклеил хлебом из тюремного пайка. Райков себя и своих товарищей виновными не признал. В период заключения он проявил не только стойкость, мужество, но и благородство. Последнее можно проиллюстрировать таким фактом. Когда по приговору царских властей он был выслан в Тверскую губернию, надзор за ним осуществлял полицейский пристав В. Всесвятский, сыном которого был

Б. В. Всесвятский, главный обвинитель Райкова, скрывший от советской власти свое социальное происхождение. Достаточно было Борису Евгеньевичу огласить имевшиеся у него сведения о прошлом своего гонителя, тот не только был бы уволен из образовательного учреждения, но мог бы оказаться в тюремной камере, а его интриги против Райкова могли быть расценены как происки классового врага. Убедительное свидетельство такого прогноза было рядом: когда Райкова перевели из одиночки в общую камеру, он встретил студента Нилова, арестованного за сокрытие социального происхождения (отец его был контр-адмиралом царского флота). Но профессор Райков не воспользовался таким способом спасти себя. 5 марта 1931 г. ему был объявлен приговор «тройки» ОГПУ: 10 лет заключения в лагере за противодействие советской власти в сфере просвещения. На разные сроки заключения и ссылки были осуждены Г. В. Артоболевский, О. А. Баратова, Н. С. Бересенев, Н. Д. Владимирский, Е. Р. Выгодская, А. П. Корнева, М. А. Сосипатрова и другие педагоги — большая часть сотрудников кафедры методики естествознания и Центральной городской биологической станции. Кафедра фактически была разгромлена, назначенный ее заведующим А. Ф. Бенкен стал набирать новые кадры, но в 1934 г. был уволен за пьянство. Биостанция была обречена на деградацию и вскоре прекратила существование. ОРЕО было ликвидировано, журналы «Естествознание в школе» и «Живая природа» закрыты. В течение 1930—1931 гг. развернулась разнузданная кампания разоблачения «райковщины». Петроградская-ленинградская школа методики естествознания фактически престала существовать.

Борис Евгеньевич отбывал незаслуженное наказание вначале в Первом Кемском отделении Соловецких лагерей, а затем в Медвежьегорском лагере на строительстве Беломоро-Балтийского канала. Он испытал все, что выпадало на долю обитателей учреждений ГУЛАГа. Ему удалось выжить благодаря стечению обстоятельств, изобретательности и установке на жизнь вопреки невыносимым условиям. Вначале он изобрел способ уничтожения клопов в бараках: на три примуса, полученных от администрации лагеря, ставили плотно закрытый бак с гибким шлангом и горячим паром обрабатывали стены. А когда он сконструировал «вошебойку» (акт о ее принятии к использованию хранится в архиве. — *В. В.)*, его назначили медицинским техником в санитарный взвод, а затем ему было поручено организовать из заключенных курсы по подготовке младшего медицинского персонала. Позже он возглавлял санитарно-бактериологическую лабораторию. Как вспоминал он впоследствии, «хорошо, что я с самого начала не раскис и не растерялся, как это часто бывает с заключенными интеллигентами, и сразу начал полезное практическое дело. Лагерное начальство узнало обо мне и убедилось, что профессора на что-нибудь годны». Полезная работа на Беломорканале послужила основанием для досрочного, в марте 1934 г., освобожденная из лагеря. Зная, что многие из освобожденных, вернувшись в родные места, снова подвергаются арестам, он остался в Медвежьегорске в качестве вольнонаемного, тем более что судимость с него не была еще снята. Позже он купил домик, и к нему приехала жена с сыном.

В период пребывания Б. Е. Райкова в Медвежьегорске произошло много событий. Упомянем два из них, так как они помогают понять последующую жизнь Бориса Евгеньевича. Во-первых, 25 августа 1931 г. ЦК ВКП(б) принял постановление «О начальной и средней школе», которым были осуждены как «проявление антиленинской теории отмирания школы» те самые комплексные программы ГУСа и методическое прожектерство, против которых Райков выступал в 1925—1928 гг., за что и оказался в лагере. Фактически была на высшем политическом уровне признана его правота. Од-

нако он продолжал вплоть до марта 1934 г. томиться в заключении, и лишь в 1940 г. по ходатайству президента АН СССР В. Л. Комарова с него была снята судимость. А во-вторых, судьба вновь свела его с А. Н. Шондышем. Бывший следователь по делу Райкова за нарушения законности был уволен из Ленинградского управления ОГПУ—НКВД и направлен служить в Медвежьегорский лагерь, где по-прежнему отличался жестоким отношением к заключенным. По поступившей на него жалобе из Москвы приехала комиссия и приговорила Шондыша к расстрелу. На это событие Борис Евгеньевич откликнулся стихотворением (кстати, в архиве РАН хранится много его стихотворений), которое заканчивалось такими строчками:

«…Я не привык в Проведение верить,
Но я готов примириться с ним,
Что удалось и тебе примерить
Саван, что ты примерял другим.
Так-то, Шондыш! Подвал-то низок,
Страшные тени живут в углах,
Пол человеческой кровью склизок…
Трах! Трах…»

Приведя это стихотворение в воспоминаниях, написанных в 1958—1959 гг., Райков признавал: «Чувства — недобрые, и стихотворение жуткое — самому читать тяжело… Но я ли во всем этом виноват?!»[2]. Слова «Но я ли во всем этом виноват?!» помогают адекватно понимать многие факты в биографии ученого.

В годы Великой Отечественной войны Борис Евгеньевич с семьей находился в Архангельске, где самоотверженно (город подвергался бомбардировкам) работал в местном педагогическом институте профессором, организовал естественный и географический факультеты, был в 1943—1945 гг. их деканом, занимался изучением истории естествознания, подготовил к печати книгу «Очерки по истории эволюционной идеи в России». О его работе в Архангельском пединституте узнал народный комиссар просвещения РСФСР В. П. Потемкин, который круто изменил судьбу опального профессора. Он инициировал присвоение Борису Евгеньевичу ученой степени доктора педагогических наук по совокупности опубликованных работ (25 июля 1944 г.) и избрания его в 1945 г. действительным членом Академии педагогических наук РСФСР.

В конце сентября 1945 г. Б. Е. Райков вернулся в Ленинград, был зачислен на должность профессора кафедры методики естествознания, которой заведовал П. И. Боровицкий, и одновременно стал работать в Ленинградском отделении АПН. Он органически вошел в состав кафедры, рассеяв некоторую настороженность к себе. Превосходя членов кафедры по уровню научной квалификации, он помог некоторым сотрудникам выбрать темы кандидатских и докторских диссертаций, блестяще читал лекции и демонстрировал посетителям его занятий, в том числе преподавателям кафедры, мастерство и изящество в проведении опытов и препарировании тел животных, земноводных и рыб. Он возродил журнал «Естествознание в школе», мечтал о воссоздании ОРЕО. На его несчастье после позорной августовской 1948 г. сессии Академии сельскохозяйственных наук, руководимой губителем биологии Т. Д. Лысенко, развернулась кампания борьбы против «вейсманистов-морганистов» (а фактически прежде всего против генетики). Старые московские недоброжелатели Б. Е. Райкова сумели включить его фамилию в список подлежащих репрессиям «вейсманистов-морганистов». В итоге Борис Евгеньевич без объяснения причин был уволен из ЛГПИ им. А. И. Герцена и Ленинградского отделения Академии педагогических наук. Он с горечью констатировал: «Моя педагогическая ладья опрокинулась». Некоторые из его недавних коллег по педагогическому институту включились в его осуждение как «противника мичуринской биологии». В сознании Бориса Евгеньевича это наслоилось на воспоминания о разоблачении в 1928—1931 гг. «райковщины», и он в раздражении назвал педагогическое сообщество «козьим вонючим болотом» (и здесь

вновь вспоминается его фраза: «Но я ли во всем этом виноват?!»). Позже его отношения с Герценовским институтом нормализовались.

Благодаря содействию хорошо знавшего его президента АН СССР С. И. Вавилова Борис Евгеньевич был принят на работу в Ленинградское отделение Института истории естествознания, где трудился в последующие годы. Здесь им были созданы капитальные исследования по истории естествознания: «Очерки по истории эволюционной идеи в России до Дарвина», «Русские биологи-эволюционисты до Дарвина» (в 4-х томах), «Академик Василий Зуев, его жизнь и труды», «Валериан Викторович Половцов, его жизнь и труды», «Карл Бэр, его жизнь и труды», «Григорий Ефимович Щуровский, ученый натуралист и просветитель», «Германские биологи-эволюционисты до Дарвина» и др. Был опубликован сборник его педагогических статей «Пути и методы натуралистического просвещения». Достойной оценкой его трудов стало присвоение ему в 1961 г. почетного звания заслуженного деятеля науки РСФСР.

Естественнонаучные и педагогические идеи Бориса Евгеньевича продолжают служить российским просвещенцам. В 1994 г. издательство «Топикал» выпустило (седьмым изданием!!!) книгу Б. Е. Райкова и М. Н. Римского-Корсакова «Зоологические экскурсии» объемом 639 страниц и тиражом 30 тысяч экземпляров. Представляя ее читателям, издатели писали: «Замечательная книга Б. Е. Райкова и М. Н. Римского-Корсакова любима многими поколениями отечественных биологов. Этот увлекательный учебник интересен и полезен как начинающим, так и опытным натуралистам. Он дарит радость познания окружающего нас мира, показывает его сложность, целостность и взаимообусловленность, учит быть наблюдательными, лучше понимать, чувствовать и оберегать природу»[3].

На факультете биологии РГПУ им. А. И. Герцена поддерживается память об академике Б. Е. Райкове. Его изображение занимает заслуженное место в галерее портретов на факультете. К 130-летию со дня рождения Бориса Евгеньевича ректор университета профессор В. П. Соломин подготовил юбилейную публикацию. В 2011 г. исполнится 45 лет со дня кончины Б. Е. Райкова. Эти памятные даты дают повод осмыслить в контексте современности его научное наследие.

Примечания

1. Архив Российской академии наук, Санкт-Петербургский филиал (далее — Архив РАН). Ф. 893. Оп. 2. Ед. хр. 5. Л. 136.
2. Архив РАН. Ф. 893. Оп. 2. Ед. хр. 26. Л. 44.
3. *Райков Б. Е., Римский-Корсаков М. Н.* Зоологические экскурсии. М., 1994. С. 3.